Мара, вздрогнув, проснулась, все еще свернувшись калачиком в одном одеяле, установленных по обе стороны от длинной консоли в коридоре за пределами личных комнат Скайуокера. Незначительная нежность платья из виноградного шелка заставляла ее замерзать в утреннем прохладе.

Шум, который разбудил ее, был от утреннего персонала, приносящего завтрак в обшитую панелями столовую, первую из трех комнат, которые составляли личное убежище Люка в обширных перлемианских апартаментах. Когда двое мужчин снова вышли, они нервно взглянули на Мару, затем снова в комнату и поспешили прочь. Нахмурившись, она быстро подошла к двери, заглянула в пустую столовую, быстро вошла в уходящую комнату и направилась в спальню.

Что-то заставило ее искоса взглянуть на балкон… и пауза, сердце в ее горле. Она сглотнула один раз, а затем вышла на широкую веранду, где в далеком великолепии раскинулся город перед ней и под ней. Она даже не заметила этого - разве что на каком-то отдаленном уровне отметила, насколько высоко они были на самом деле. "Ходящий по небу…."

Мара беспокойно пробормотала, не зная, что еще сказать. Люк сидел, скрестив ноги, спокойно балансируя на широком каменном поручне, окаймляющем балюстраду балкона, спиной к ней, глядя на город. На нем были легкие льняные брюки для сна, и ничего больше, тонкие шрамы старых травм пересекали его кожу в ярком солнечном свете, его халат был брошен на полу поблизости, тонкая ткань слегка развевалась на утреннем ветру. Он промолчал, никак не отреагировал на ее голос, и в конце концов Мара пошла вперед… но медленно, осторожно.

Достигнув балюстрады, она остановилась в десяти шагах от него, боясь подойти ближе. Теперь она могла видеть, что его глаза были закрыты, запястья слегка лежали на его коленях, ноги были прижаты к его телу на резных поручнях, достаточно широких, чтобы он мог сохранять равновесие, руки свисали свободно, балансирование казалось контролируемым и легким. Он ничего не сказал, глаза все еще были закрыты, хотя она знала, что он, должно быть, ее слышал. "… Люк?" - спросила наконец Мара, хотя он все еще не открывал глаз. Но он заговорил.

"Что, если я был неправ?"

"Ты о чем?"

Мара пыталась вовлечь его в разговор, хотя прекрасно знала, о чем он думает. Он не повернулся; не ответил.

«Она бы попробовала снова - и снова».

Наконец Мара сказала: «Ты сделала то, что должна была».

«Это не делает меня правым». - сказал Люк, не поворачиваясь.

«Пять лет назад, увидев другую Си… кого-то вроде меня, приходящего к власти… Я, вероятно, помог бы ей».

Мара колебалась, пытаясь найти путь через это, гадая, что бы он сделал, если бы она просто бросилась на него, зная, что слышала биение собственного сердца в своих словах, когда она говорила.

«Возможно … если бы это был кто-то другой, а не ты - может, ты был бы прав. Может, тогда она

была бы права. Но это ты, а ты другой». Люк нахмурился, слова мастера Йоды снова прозвучали в его голове;

«Нет; без разницы. Только другое в твоем уме ».

Наконец он открыл глаза, глядя на каплю перед ним; почти сорок этажей на твердой, выложенной гранитом крыше главного Монолита.

«Я должен был закрыть глаза». - загадочно сказал он, не глядя на нее. Мара нахмурилась, не зная, что он говорит; когда он должен был закрыть глаза? На вчерашней казни? Он так много видел раньше - зачем...

«Когда произошел взрыв».

Наконец он сказал: «Я должен был просто ... закрыть глаза».

Впервые он повернулся к ней, его глаза были не такими яркими - голубыми, как утреннее небо, длинный хирургический шрам, тянувшийся от ключицы к центру груди, все еще был виден в ярком свете.

«Но они бы умерли - все там. Они бы все умерли. Щиты бы вышли из строя». Он снова неуверенно отвернулся: «Но я не знал этого - не уверен.

Я мог бы закрыть глаза. Я мог бы просто закрыть глаза и позволить этому случиться».

"Ты и твоя судьба ?"

Мара сделала это слово проклятием. Он слегка улыбнулся; малейшее подергивание уголков рта.

«Я не верю в судьбу».

Мара неуверенно нахмурилась; после всего, что он сказал, после всего, что он сделал... после того, как он рискнул..."

Он отмахнулся от вопроса и снова посмотрел вниз, на далекую крышу. - Разве ты не понимаешь этих моментов, Мара?"

- Разве у тебя не бывает таких моментов, когда ты на мгновение оказываешься в самом центре бури, и все, наконец, затихает... все, наконец, затихает, затихает впервые за столь долгое время?..."

Он глубоко вздохнул, его глаза снова закрылись, как будто он снова пережил тот момент - ту интенсивность чувства: «И когда ты получишь их, ты сделаешь что угодно - что угодно, - чтобы удержать их. Потому что ты можешь видеть бурю всю вокруг тебя, и ты это так хорошо знаешь... и ты бы сделал все, чтобы удержать этот момент спокойствия ».

Мара медленно шагнула вперед. Он снова открыл глаза, глядя вниз на Монолит далеко внизу, темный гранит легко поглощал ранний утренний свет, и Мара сделала еще один медленный шаг вперед, пока хрупкая тишина тянулась до предела. «... Люк...»

Он слегка двинулся, и она снова застыла на месте, когда он поправил свой вес, все еще балансируя на отвесном обрыве, вывод ясен, хотя он не смотрел, не давал никаких признаков того, что он вообще слышал, как она произносила его имя .

"Что, если я ошибаюсь?" - спросил он снова, на этот раз тихо; чуть больше, чем ропот.

«Люк, ты меня пугаешь».

Мара больше не осмеливается двигаться вперед; не осмеливаюсь пошевелиться, застыв на месте. Через долгие секунды он взглянул на нее, как будто понимая, что она сказала, и усмехнулся; почти засмеялась, шрам растягивается через губы.

«Мара Джейд не боится».

«Кроме тебя».

Она сказала честно;

"Для вас."

Эти слова, казалось, немного вывели его из задумчивости. Он нахмурился, затем снова отвернулся, отказываясь от беспокойства; близость. Мара сделала еще один шаг вперед, с сердцем во рту ... Он развернул ноги и небрежно пнул каблуками внешнюю часть балюстрады, слегка наклонившись над пропастью, чтобы она не замерзла.

«Это не так уж далеко, Мара; наверное, не убьет меня. Не меня».

«Я бы предпочел не рисковать».

Она сказала немедленно, и он улыбнулся, не отрывая глаз от капли.

«Я прыгнул еще дальше». - сказал он с кривой, самоуничижительной забавой в голосе.

«Я думаю, разница в том, что ты, наверное, хотел приземлиться на ноги». "Хорошая точка зрения." - сказал Люк, не отрывая глаз от капли; дерзкий сам; Мара видела это в его глазах.

Он слегка приподнял голову, чтобы взглянуть на город, и Мара сделала еще один бесконечно малый шаг вперед. Когда он все еще не двинулся с места, она придвинулась немного ближе…

«Перестань подкрадываться ко мне, Мара. Я нервничаю».

«Делает вас нервничать!»

Мара крикнула: «Как ты думаешь, я чувствую себя сейчас ?!»

"Усталый."

Он повернулся, глядя на нее невозможными голубыми глазами: «Очень устал». И она действительно ... усталая, взъерошенная и отчаянно пыталась лечь; отдохнуть, хотя бы всего на несколько секунд… она почувствовала, как слегка покачивается, почувствовала, как ее колени и плечи расслабились, а мышцы расслабились, казалось, что она может просто… упасть; просто сползите вниз, где она стояла, и ...

«Сын…»

Мара покачала головой против порыва, прервала зрительный контакт, стряхивая его влияние. Тень хмурого взгляда проскользнула по его лицу, и он снова отвернулся, оставив ее затаившую дыхание и ярость.

«Не когда - нибудь сделать это для меня еще раз!» она чуть не крикнула, такой был ее гнев: «Даже не думай, что ты ...»

Он повернулся, и его несоответствующие глаза теперь смотрели совершенно по-другому, как всегда, переменчивые: «Не выдвигай мне ультиматумы, Мара. Я не просил тебя выходить сюда».

Она приподняла брови: «Не выставляйте ультиматумы? Хорошо, как это за то, что не выставляете ультиматумы - прыгайте. Давай, прыгай. Мне все равно! Ты все равно проводишь половину своей жизни на этом гребне, так или иначе, пытаясь чтобы решить, прыгать тебе или нет.

Что ж, давай ... " Она рванулась вперед с сердцем во рту, когда он раскрыл руки ... и упал ... Ее протянутые руки обвились вокруг его правого запястья, и она напряглась, весь его вес тянул ее вперед, упираясь в тяжелую каменную балюстраду, когда он падал, ломая ее плечи, согнутые в коленях, ступни соскальзывали, все мышцы были напряжены до максимума, чтобы удержать его, только высота балюстрады не позволяла ей упасть вместе с ним.

Она смотрела на него сверху вниз, рыжие волосы развевались вокруг ее лица на сильном ветру.

" Все еще слегка покачиваясь, он оглядел далекий раскинувшийся город, и на его лице медленно расплылась улыбка. Затем поднял на нее глаза, его рука обхватила ее запястье, босые ноги царапали гладкий камень в поисках опоры, когда его левая рука нашла опору на балюстраде. Она рывком подняла его, и он нашел опору на внешней стороне резных каменных перил, отпустив ее руку и стоя прямо на внешней стороне, ухмыляясь. -Я должен столкнуть тебя с этой чертовой штуки!" - Крикнула Мара, испытывая одновременно облегчение и ужас, но адреналин все еще бил в кровь, заставляя ее сердце бешено колотиться.

Он перекинул ноги на внутреннюю часть балюстрады, спрыгнул на твердую землю балкона, положив руку на правое плечо, и беспокойно поднял руку, его естественный акцент мира Обода победил.

«Я думаю, ты протянул мне руку».

" Я положил ...!"

Мара замолчала, потеряв дар речи.

«Ага, это моя больная рука».

Плечо, которое было так сильно поврежденно «Просто тестирование». он небрежно пожал плечами, оглядываясь назад.

«Что, если бы я не поймала тебя !? Что, если бы я поймала тебя, но не смогла удержать?»

«Судьба».

Он отпустил, все еще массируя плечо.

«Д... я...»

Все еще бледная, она шагнула вперед и подняла руки, отталкивая его назад, из-за отсутствия чего-нибудь получше. Он безразлично отступил на шаг, и она обрела голос.

«Ты и твоя глупая, безответственная... глупая...»

«Ты уже говорила это». - мягко сказал он.

"Что ж, я думаю, это заслуживает того, чтобы сказать дважды!"

Она снова почти кричала, адреналин превратил страх в гнев. Он отвел взгляд, когда она услышала, как Рис и Клем ворвались в комнату позади нее, а затем остановились у балконных дверей, увидев, что Люк благополучно стоит на балконе - вероятно, двое слуг наконец решили рассказать им о том, что они видели, отдаленно осознала Мара. . Люк слегка покачал головой, и они попятились, покидая комнату, но не избежав любопытного взгляда на Мару, Люк, вероятно, казался им совершенно спокойным и рациональным. Еще через час, ни один из них не видел его на краю балкона, они уговорили себя поверить в то, что слуги все равно ошибались. Еще полчаса, и один мог бы сказать другому: «Это был я, или Джейд, казалось, помахала ему, когда мы вошли?» Фантастика; отличный. Еще один день в семье Скайуокеров. . . .

«Хан».

Когда Лея села напротив него, Хан встал из-за стола в кают-компании, широко раскрыв глаза, и Лею встретил комичный вид полусонного Соло с идеальным отпечатком плетеной металлической столешницы на лбу.

"Что!?" он дернулся так быстро, что чуть не перевернул кружку киа в руке, ее содержимое выплеснулось за борт на стол, где оно тут же провалилось через открытую металлическую сетку, заставив его дернуться в кресле и повернуться в сторону чтобы он не намочил его синий летный костюм, плечи которого были сброшены и обвязаны вокруг талии. Лея молча ждала, пока он снова не уселся, застенчиво оглядываясь по сторонам. Он протер глаза, хотя, похоже, это мало помогло развеять его затуманенность. Шесть часов сна, и через тридцать минут он снова ушел; отличный.

Лея склонила голову набок: «Ты сейчас ооочень привлекательна».

«Эй, я не жаворонок».

Хан защищался, взяв с ее тарелки зерновой бисквит.

«Это одиннадцать». - многозначительно сказала Лея.

«Поверь мне, куколка, мне еще рано».

Он откусил от зернового пирога, прежде чем положить остальное на ее тарелку, скривившись с отвращением.

"Что это за фигня?"

"Повезло тебе."

«Ну, черт побери, нет другой причины, чтобы его есть».

«Может быть, если бы ты съел еще немного подобного, ты бы сейчас не почувствовал себя так». - храбро поддразнила Лея.

«Ну, может быть, если ты...» - он замолчал, его усталый мозг не мог прекратить насмешку,

которую он уже начал: «Ах, черт, ты знаешь распорядок. Рано, дай мне передохнуть».

«Не могу поверить, что они на самом деле дадут вам истребитель, чтобы вы полетели меньше, чем за час».

В больших карих глазах Леи было ровное сочетание беспокойства, сомнения и сухого юмора.

Хэн провел рукой по заросшему щетиной лицу,пытаясь прийти в себя. "- Да, я знаю лохов."

Она взглянула вниз, потянув за собой содрать с нее зерно, жмых, "когда ты вернешься?" - Ну, пять часов, потом еще пять." Он ответил, Смена была разбита на две части: "два эскорта грузовых кораблей. Ты? " -

" Встречи." она отпустила его, затем оглянулась на него с деланной беспечностью. -Я разговаривала с тэгом сегодня утром... она ... сказала мне по секрету, что Мадин снова была у нее в кабинете."

- Простонал Хан, проводя пальцами по мокрым от душа волосам, - неужели парню больше нечем заняться? Мадин несколько раз обращался к Тагу массе, шефу разведки, после фиаско с Ботавуйи, высказывая свои подозрения, что хан может быть шпионом на борту дома-тем, кто так долго ускользал от них. В конце концов, он был единственным, кто необъяснимым образом избежал катастрофы на борту "ярости" - не только без единой царапины, но и на грузовом судне, которое Империя опустошила четыре года назад.

Очевидно, это было убедительным доказательством для Мадина, и, что еще хуже, не удалось ли Соло также волшебным образом сбежать из Императорского дворца четыре года назад? Всего за несколько дней до того, как ячейка повстанцев на Корусанте - та, которая по совпадению помогла ему сбежать - была закрыта Империей? Он появился из ниоткуда на Явине - вместе со Скайуокером - и полетел против Звезды Смерти, один из немногих кораблей, которые должны были вернуться - другой также по совпадению был имперским шпионом « Скайуокером» .

Да, станция была разрушена, но теперь широко признавалось, что в ней, должно быть, имелся какой-то некорректный изъян - на самом деле даже высказывалось предположение, что это никогда не было действительно многоразовым оружием, на которое она претендовала, и весь инцидент был создан как возможность очистить обширное гнездо шпионских сетей повстанцев, которые все работали над контрабандой планов, а также возможность устранить Альдераан как предполагаемого подстрекателя и укрытия сети, а также долгую боль в боку Императора за его независимый голос . Он также надежно поместил Скайуокера в цитадель Альянса на высшем уровне, сделав его своего рода героем и надолго лишив подозрений.

Это было ужасно много совпадений, и когда у Хана не было объяснений своей близости ко всем им, люди начали слушать Мадина. К счастью, столь же многие отвергли их как паранойю, и, поскольку Масса был одним из последних, это рассеялось до незначительного раздражения для Хана; продолжающиеся трения между двумя мужчинами.

«Что ж, твой хороший друг снова хвалил тебя».

Лея сухо сказала о Мадине, заставив Хана закатить глаза: «Он просит о встрече с начальниками штабов, и сегодня утром он был в офисе Тага, предлагая, чтобы, возможно, кто-то еще присутствовал в качестве активного командира полета».

"Большой."

Хан сказал: «Скажи ему, что я с радостью держусь подальше от его маленькой вечеринки».

Лея поморщилась: «Я бы хотела, но я думаю, что он что-то замышляет, и я действительно могу сделать с тобой там. вы - вот почему они знали об изменении места проведения ».

Хан раздраженно поднял голову: «Я не знал, где на самом деле произошло изменение места встречи, до часа назад!»

Она пожала плечами: «Он думает, что я тебе сказала».

Хан раздраженно поджал губы; одно дело иметь Мадин на спине; он мог справиться с этим, и ему было наплевать, что этот человек думает о нем в конце дня. Но заставить его пойти за Лейей было нечто другое; попробуй как-нибудь вовлечь ее во все это.

«Я встречал более хороших хаттов, чем этот парень».

Он мрачно произнес нараспев, заставив Лею улыбнуться, когда она протянула руку, чтобы сжать его руку.

«Ну, Тэг отмахнулся; она сказала ему недвусмысленно, что если бы ты был шпионом, они бы точно не привлекли всеобщее внимание, не так ли?»

"Что он на это сказал?"

Лея пожала плечами, внезапно уставшая до костей: «Ты же знаешь Мадин». - сказала она при увольнении.

«Да, я знаю Мадин». Хан сухо заявил: «Если бы это было дело генерала, знание Люка было бы уголовным преступлением.

« Вы можете вывести парня из Империи, но вы не можете забрать Империю из этого парня ».

Несмотря ни на что, каким-то странным образом Лея знала, что Хан все еще хотел доверять Люку. Он больше не говорил об этом с ней - не так, как когда все это впервые стало известно - но в глубине души он все еще хотел верить. Но тогда Хану было тяжело; его не было здесь, когда правда вышла наружу, когда они нашли доказательства - веские доказательства - что Люк был шпионом.

Его не было здесь, когда людям приходилось устанавливать эти связи и разбираться с растущим числом фактов, поэтому он никогда не останавливался на достигнутом, как это сделала Лея. И он не нес ответственность за Лею; в ее положении она не могла позволить себе доверять, даже если бы хотела. Ей нужно было взглянуть на картину в целом, выбрать более безопасный путь.

Хан всегда непреклонно утверждал, что за все время, пока его держали в плену на Корусанте, никто его ни о чем не спрашивал. «Зачем держать его там, если не для информации», - рассуждал он. Он не совсем помог своему делу, несколько раз спорив с Мадин, что, если бы Люк был двойным агентом, то он наверняка приложил бы усилия, чтобы вытащить что-нибудь от Хана за это время, особенно если бы он не собирался возвращаться в Альянс под его псевдонимом. Но тогда он был получил информацию от Хань. Ему просто удалось манипулировать Ханом, заставив его добровольно, вместо того, чтобы утащить его от себя. Может быть, это его позабавило… Ради старой памяти, последняя игра. Конечный результат был таким же, как ни крути; ему удалось закрыть последнюю надежную базу на Корусанте.

Именно это и увидел Мадин. Три в Центральных Системах, если посчитать те два, которые были закрыты в течение нескольких часов после того, как Лея и Чуи прошли через их собственный «побег».

И с тех пор он постоянно использовал Хана, чтобы внушать подозрения Альянсу. Использовал его, чтобы скрыть тот факт, что у Империи есть шпион, чтобы запутать и отвлечь. Все продолжали смотреть на Хана, потому что Люк всегда делал его козлом отпущения ... а Хан все еще защищал его! Нет, что бы ни думал Хан, все они были в безупречном танце, кем бы он ни был, потому что он не был Люком Скайуокером; а если и был, то он не был тем Люком Скайуокером, которым считал себя, когда был здесь.

Поворотным моментом, когда Хан, наконец, прекратил говорить, была не столько катастрофа на Ботавуи, сколько конечный результат. Фактически, на короткое время в те первые несколько дней, когда Хан в одиночку избежал Ярости, когда она поблагодарила каждую счастливую звезду, которую она когда-либо желала, за то, что он вернулся и в безопасности, когда Хан сказал ей, что это был Люк. кто поймал его, Люк, который позволил ему освободиться... всего на несколько дней, она снова начала задаваться вопросом; начал надеяться. А затем новости распространились по Голонету, и Лея упрекнула себя за то, что позволила Скайуокеру еще раз добраться до нее. За желание надеяться.

Потому что теперь спорить было не о чем, даже Хану. Мон Мотма была мертва, участие Люка в этом неоспоримо. Это была его кампания от начала до конца. Он убедил ее в использовании знаний, которые он явно приобрел за время своего пребывания в Альянсе, использовал обычно скрытые расчетные методы, чтобы захватить ее, а затем отвез ее на Корусант, чтобы передать ее своему Императору в качестве подарка. Наблюдал за тем, как она проходит через какое-то мнимое судебное разбирательство - едва ли даже это за жалкие пять дней - и, как сообщили источники, присутствовал на ее казни. Пн умер из-за Люка. Никто другой; нет места неправильному толкованию. Никакого размывания преданности или обязательств. Даже Хан не мог на это ответить; даже он погрузился в тревожное молчание. Потрескивающая корабельная связь подала тон, означающий смену смены, и Хан поднялся, хватая свою чашку.

«Я должен пойти заполнить это снова, или я никогда не буду бодрствовать во время инструктажа, не говоря уже о рейсе». - извиняющимся тоном сказал он, отодвигая стул.

«Я буду на твоей встрече - я подчеркну это».

Лея улыбнулась его обещанию, зная, что он ее не подведет. Он подмигнул, повернулся и растворился в толпе, пока все пилоты в синих костюмах в столовой медленно направлялись к дверям в различных состояниях истощения. Она клялась, что иногда весь наряд держится вместе с помощью кофеина и клейкой ленты. Лея смотрела, как он уходит, пока беспорядок становится почти безмолвным, затем вздохнула и встала. Остальное она ему не рассказала; не сказал ему, что Мадин специально просил, чтобы если Хан присутствовал на собрании, это было внесено в его файл Intel. Не сказала ему, что в частном порядке задавалась вопросом, делал ли Скайуокер это нарочно. В конце концов, это спровоцировало серьезный раскол в иерархии Альянса; заставили их казаться нестабильными как между собой, так и для галактики в целом.

Лея была избрана новым главнокомандующим Альянса всего через несколько дней после казни Мон, и одной из первых вещей, которые ей пришлось подписать, было вето, позволяющее разведке Альянса открыть файл о Хане. Таг Масса был ее обычным добрым человеком, уверяя Лею, что это обычная рутина; стандартная оперативная процедура гласила, что она должна открыть дело, если у нее было более трех запросов об этом от офицеров, находящихся на

действительной службе, и, хотя она открывала один, она не видела причин тратить время своих сотрудников на его выполнение. Файл открывался бы, не более того.

Но это вышло наружу - это всегда происходило; не в народные массы, а, конечно, в различные разведывательные сообщества, которые занимались своей торговлей в тени между Империей и Альянсом. Там было хорошо известно, что лидер Альянса находится в прямом споре с одним из своих старших офицеров по поводу того, что она защищает возможного шпиона. Вряд ли та яркая новая перспектива, которую она надеялась привнести в свою роль. Тэг, как обычно, заверил Лею, что эти вещи со временем разлетелись, и указал, что, несмотря на свой военный гений, Мадин во многих отношениях был прямолинейным человеком, который решал проблемы такого рода прямым путем, полагая, что иногда в отсутствие каких-либо других доказательств, нужно действовать в поддержку того, что кажется существующим. То , что было сделано , чтобы появиться, Лея знала

- , и она знала , что. Это была не та запутанная игра, в которую играл Вейдер; он был ближе к форме Палпатина, но это тоже казалось неправильным. Нет, она точно знала, кто играет в эти игры, ставит ловушки, мутит воду. Когда Скайуокер впервые начал облавы на ботанов, Тэг утверждал, что, что касается Наследника, его отношения с Альянсом долгое время представляли собой пример «Ты меня не беспокоишь, и я не буду беспокоить тебя». Неудивительно, что с попыткой убийства он считал, что они перешли черту. На его взгляд, Альянс объявил войну, и теперь наступил сезон открытых дверей. И Лея не могла не думать - помните предупреждение Тага, сделанное в далеком прошлом; « Если они все же решат совершить покушение, то я сделаю все возможное, чтобы убедиться, что оно выполнено безупречно, и всем сердцем надеюсь, что оно будет успешным, потому что Сила поможет нам всем, если это не так».

Дарт Вейдер молча стоял в своей комнате для готовности на борту «Палача», наблюдая за маленьким плоским изображением, не двигаясь, оставаясь внешне бесстрастным при записи, которая увеличивалась от далекого общего плана до дрожащего, нечеткого крупного плана Западной башни. из Императорского дворца, его сын сидел, скрестив ноги, как будто в медитации на высокой балюстраде за пределами его покоев, Мара Джейд стояла рядом - и что она вообще там еще делала? Разве он не предупредил своего сына об опасностях, присущих такой близости, - почему мальчик никогда не слушал? Будет ли Вейдер убрать ее против воли сына? С такого расстояния они казались расслабленными, потерянными в разговоре, и только их язык тела выдавал серьезность момента. Вейдер снова проклял ограниченную природу такого рода удаленного изображения, сделанного с высокой орбиты над Корусантом, воздушное пространство над и вокруг него ограничено.

Расположенный в экуменополисе Корусант, Императорский дворец был покрыт множеством щитов, как для защиты от физических атак, так и для защиты от технологических войн любого рода, включая шпионаж. Другие здания были совсем рядом, Дворец наслаждался высшей роскошью на Корусанте, доступной только Императору; пространство, длинные участки открытых проходов и многоуровневые террасы, отделяющие его от соседних зданий, чтобы подчеркнуть его актуальность и обеспечить буфер, который было легко патрулировать и защищать.

У Палпатина было пятнадцать дворцов на Корусанте, начиная от сдержанного, семнадцати-этажного, трехсот-комнатного Зимнего убежища на холодном Южном полюсе планеты до огромного, обширного могущества Императорского дворца в столице, города внутри себя, резиденции правительство Империи и любимая резиденция Палпатина. И даже это, по большому счету, было ничем; всего было более трехсот дворцов, разбросанных по всей его Империи на значимых планетах, массивные здания, задуманные как абсолютные утверждения

превосходства и размаха, видимые символы автократической власти, которую они воплощали, каждый из которых был наполнен самым лучшим, что могла их система. предложить, добровольно или нет, памятник авторитету и значимости Императора.

Большинство из них никогда не посещал вечно замкнутый Император; никогда не собирался. Для Палпатина важно было не то, что он нуждался в них или даже хотел их; имело значение то, что они принадлежали ему; что он сделал это. Сам Вейдер владел пятью Дворцами на четырех планетах, все подаренные ему Императором, хотя он не преминул заметить, что, помимо своих даров и благосклонности, Палпатин не предоставил Люку собственного жилища, предпочитая держать мальчика рядом. заставляя его возвращаться во Дворец и строго контролируемую клику его Учителя всякий раз, когда ему приказывали вернуться на Корусант. Только три раза Палпатин перемещал свою свиту, пока Люк был в En Courte; дважды - в Зимнем ретрите на Корусанте и один раз в огромном комплексе Село на Каамасе.

Но он всегда возвращался в течение месяца, не имея возможности оставаться вдали от резиденции своего правительства и своей власти в течение какого-либо периода времени. Он считал себя неприступным и приложил немало усилий, чтобы обеспечить это, хотя большинство мер не было видно снаружи массивного Императорского дворца, призванного рассматривать как памятник его уверенности, а не его навязчивой паранойи. Одной из таких скрытых мер была серия подрывных щитов, которые гарантировали, что никакие технологические системы не смогут проникнуть во Дворец, поэтому любое технологическое шпионское оборудование или улучшения, включая визуальные и слуховые, были аннулированы. Единственное, от чего не могла защититься система защиты - это старомодные световые лучи, поэтому визуальные изображения можно было снимать с расстояния и записывать с помощью высококачественных линз.

Для исправления этого, конечно, можно было бы создать визуальный щит, но по самой своей природе он не мог быть скрыт, и в политике публичных разыгрываний власти изображение значило столько же, сколько и намерение. Населению необходимо было увидеть несокрушимую мощь и непоколебимую уверенность в имперском превосход Они оставались так в течение долгих секунд, Люк наконец взглянул на нее, прежде чем протянул другую руку и снова поднялся на балкон, Джейд оттолкнула его на шаг назад, прижав обе руки к груди, когда он это сделал.

«Я чувствовал, что он не должен становиться достоянием общественности». - наконец дипломатично сказал полковник Хокен. Он был невысоким, квадратным, военным, не особо склонным к изобретательному мышлению, но Вейдер ему доверял; он был верен как Вейдеру, так и в последнее время и своему сыну, военная склонность мальчика принесла ему еще большую популярность во флоте, поскольку его способности также начали процветать. Он понял, что все еще смотрит на офицера, в голове у него гудит содержание записи.

"Нет копий?"

«Нет, милорд, насколько мне известно. Шпион, продававший изображения, все еще находится под стражей на Билбринги. На допросе он признал, что это была его первая попытка продать их».

«Приведи его сюда. Тихо». - приказал Вейдер; лучше быть уверенным. Хокен осторожно поклонился, сделал умный военный поворот и ушел, чтобы выполнить приказ, оставив Вейдеру повернуться и воспроизвести изображения, размышляя. Команды под прикрытием Хокена всегда присутствовали на Билбринги из-за имперских верфей, но это было чистой случайностью, что один из них услышал о записи, касающейся Наследника, и сообщил об этом

своему начальнику, который организовал арест этого человека, а затем правильно поступили, связавшись с Хокеном, чтобы передать запись. Его содержание было… тревожным; вдвойне, когда он смотрел это теперь один.

Во-первых, потому что он понятия не имел, чем занимается его сын, а во-вторых, потому что Мара Джейд явно оставалась частью внутренней свиты его сына. То, что она поймала его, не было ни здесь, ни там - ее миссия - охранять его, назначенная Императором, которому она была фанатично предана. Важным моментом здесь было то, что его сын предполагал, что она сделает это. Потому что, во что бы ни верил Люк, ей нельзя было доверять. Он протянул руку и вытащил из дисплея небольшой чип памяти, при этом изображение замерзло и стало статичным. На мгновение держа его в руке в перчатке, он сжал кулак, сломав его без возможности восстановления. . . . Люк напряженно стоял в тишине своей каюты на борту Бесподобного, не глядя в рассеянное, хаотическое сияние Лайтспида.

Он наконец получил разрешение вернуться к Разрушителю ранее в тот же день - в четвертый раз, когда он просил об этом - после почти трех недель, проведенных в ловушке удушающих интриг и безжалостных заговоров вокруг Дворца и драгоценного Двора его Учителя. Он уехал через несколько часов после получения разрешения, его собственная небольшая свита была на буксире, возмущаясь тем фактом, что оно у него вообще есть; что его вынудила к таким вещам жизнь, которую он сейчас прожил. На борту корабля было не лучше; все были разочарованы тем, что так долго сидели взаперти на Корусанте, хотели уйти, как и он, беспокойная атмосфера ощущалась.

Он направился прямо к мосту и установил импульс для Несравненного, Доминанта и Зефира, чтобы пролететь широкую петлю, которая проведет их по Хайдианскому Пути к Аркании, а затем в открытое пространство вдоль края Колоний, захватывая каждую планету и систему, которые его перехватили; мимо Перлемского торгового пути, Кореллианского пути, пересечения противоположной стороны Хайдианского пути в Нубии, затем мимо Кореллианского торгового пути и, наконец, Шапани, присоединяющегося к Римскому торговому пути, чтобы вернуться в Центральные системы.

Это был огромный служебный долг, который, даже если бы его не прерывали, что было очень маловероятно, потребовал бы недель и даже месяцев. Только когда предполагаемый маршрут был передан обратно на Корусант и возвращен с одобрения Императора, вместе с коротким загадочным сообщением от его Учителя о том, что его «Волк» может шагать, где ему угодно, Люк удалился. его готовая комната, чтобы наложить курс на звездные карты на голографическом дисплее и точно увидеть, что он сделал.

Все, что было у него в голове в тот момент, когда он выбрал расписание, - это сбежать с Корусанта; Теперь, когда на его произвольном маршруте была проведена линия, он откинулся на спинку стула и долго смотрел, осознавая, что он сделал. Маршрут, который он назвал, почти идеально описывал крайние пределы юрисдикции его флота. Драгоценный «Волк» Императора, словно животное в клетке, расхаживал взад и вперед прямо за решеткой. Итак, теперь он тихо стоял, глядя в пустоту, наклонив голову и глядя в никуда.

Дежурная смена пришла и закончилась, и он оставался за своим столом в своей дежурной комнате, читал депеши, уточнял предполагаемый срок службы после совещаний с начальниками штабов, назначал и перераспределял миссии по подразделениям и частям для рассредоточения и управления. спроектированные горячие точки инакомыслия, организация операций флота и маневров для тех, кто не участвует; внимание к мелочам логистики флота. Наконец, когда он больше не мог работать с затуманенными глазами и оцепенением разума, он вернулся сюда, в свои апартаменты и молча стоял в затемненной комнате, глядя в водоворот,

размышляя ... Мара шла сюда, зная, что он вернулся.

Он знал это абсолютно; могла почувствовать ее уникальную подпись в Силе, поскольку она использовала свои способности, независимо от того, насколько подсознательно, чтобы гарантировать, что она осталась незамеченной. Оставив его подумать - что ему делать, когда она приедет? Совершенно очевидно, что разумным было бы отвернуть ее. Он так легко мог предоставить прекрасное оправдание; он был вдали от Несравненного в течение нескольких недель и поэтому не мог гарантировать, что все меры наблюдения, так тщательно скрываемые агентами Палпатина в его отсутствие, еще не были отменены.

Она, конечно, знала, что это будет ложью - что он удалил бы или уничтожил их в течение нескольких минут после своего прибытия сюда - но спорить с этим будет сложно, так как у нее нет доказательств, и в любом случае сообщение будет ясным. . Так что он мог остановить это сейчас; просто позвольте этому свести к нулю и заставить их вернуться к тому, как они были ... это было бы разумно . Он добился всего, что ему было нужно в этой конкретной игре - всего, что он задумал. Разве он не заявил себе, что ему нужен секрет, способ контролировать ее; ну, теперь он у него был. Она потеряла беспристрастность, позволила себе принять участие - а затем скрыла этот факт.

Соврал об этом Императору - в лицо . У него был контроль. Потому что, если она когда-нибудь узнает что-то, что он должен скрыть от своего Учителя, все, что ему нужно сделать, это пригрозить раскрыть это. Да, он тоже проклинал бы себя, но в ситуации, когда он в любом случае оказался на линии огня, она наверняка поймет, что ему вполне может быть нечего терять - а она вполне может иметь все. И, как и в любой игре, это был такой же блеф, который вы совершили, и карты, которые у вас были. Вот почему сейчас правильнее было бы уйти - подчеркнуть, что все было именно так; игра. Что он без колебаний сыграет эту карту, если она его заставит. Если он не отступит сейчас, он ослабит эту позицию.

Так почему он колебался? Теперь он понял, о чем пытался предупредить его отец, - об уязвимостях, присущих тому, чтобы позволить другому так близко. Было ли это тем, что сбило его отца, было ли это его слабостью? Потому что Люк знал, что это будет его - если он откроет дверь. Если бы он позволил этому соображению пересечь его цели. Но что-то в нем жаждало этого; эта близость. Даже при том, что он знал, что это уязвимость, и он поклялся, что никогда больше не будет держать ее перед своим Учителем, и хотя он знал, что это был риск, потому что лояльность Мары всегда была на стороне Императора, и даже несмотря на то, что и хотя.... Тысяча и одна причина не делать этого, и только одна причина открыть эту дверь ... Он услышал нежный барабан ее пальцев по тяжелой корабельной двери и замолчал еще на мгновение ... Прекратите это сейчас. У тебя нет этой уязвимости Не рискуй Не будь твоим отцом Люк покачал головой, снова вспомнив слова Вейдера, сказанные с такой убежденностью;

« Мы по необходимости одинокие существа...»

"Я не вы."

Он прошептал в темноту ... И с последним напряженным вздохом, чтобы развеять свои сомнения, он шагнул вперед и открыл дверь ... Она вошла в темную комнату в порыве движения, чувствуя прилив возбуждения и ожидания.

«Я думал, ты меня не пустишь». - прошептала она в шутку, обнимая его, дыша к его шее - как будто с тех пор, как они были здесь последний раз, не прошло и минуты. Было ли это сознательным решением с ее стороны? Люк закрыл глаза, уже жалея об этом, чувствуя

мягкость ее сияющих рыжих волос на своей коже. На мгновение он позволил себе снова погрузиться в пучину излучаемых ею эмоций, мгновенное снисхождение, неоспоримое, подавляющее, чрезвычайно стремительное и безответственное ...

Но правда была намного сложнее, и признала она это или нет, она должна была знать это на каком-то уровне. Потому что он это сделал. Он знал опасности. Он знал, как это могло так легко закончиться. Знал острие ножа, которым он жил. Совершенно знал, что когда-нибудь она его предаст. Ей нельзя было доверять. Ей нельзя было доверять. Но тогда и он не мог ... разве она этого не знала? Если он вообще заботился о ней, он должен уйти. Если бы она заботилась о нем, она уже должна была сделать то же самое ... Она взяла его лицо в ладони и встала на цыпочки, потянувшись поцеловать его, когда ее пальцы скользнули обратно в его волосы, дыхание к его губам ... И все его сомнения и сомнения, предостережение отца и его собственное проницательное, совершенное знание будущего растаяли, как тени во тьме ...

Мадин нервно выпрямился, пока начальники штабов устроились вокруг большого круглого стола в Военном зале на борту флагманского корабля повстанцев Дом-Один, оглядываясь на огромное полотно, свисающее с дальней стены, массивное, задумчивое изображение сражавшейся военной битвы. в темноте ночи.

'Ночная битва' его называли, по Инего.

Это было оригинальное произведение; бесценное произведение искусства. По какой-то причине он был у контрабандиста Соло, который отдал его, чтобы снова повесить здесь - «взаймы», он приложил все усилия, чтобы прояснить ситуацию. Как он это сделал, он не стал говорить, но, поскольку он был контрабандистом, Мадин не удосужился слишком сильно давить; иногда очевидный ответ был правильным. Соло долго смотрел на холст, проходя мимо него, улыбаясь некоторым личным воспоминаниям, когда он устроился рядом с Лейей Органой, которая на удивление легко попала в сложность положения начальника штаба после потери Мон.

Она посмотрела на него настороженно карими глазами. Между ними не было дружбы, но у них были хорошие рабочие отношения, и она произвела на него впечатление своим лидерством и своей грацией под огнем. И у нее было это преимущество; Мон всегда был дипломатом и воином; Лея была больше бойцом, чем дипломатом, что, по мнению Мадина, было хорошо; это вполне может привести к более агрессивным действиям в будущем. Однако в данный момент она все еще находилась на ногах, и поэтому ее ответы были осторожными. Вот почему он почувствовал укол вины за то, что фактически заставил ее провести эту встречу.

Но если он продвинет последний план Мон, то времени будет не хватать, и намеренно. Во-первых, потому что он хотел ограничить количество времени, в течение которого эта информация должна была выйти, а во-вторых, потому что ему нужно было, чтобы они продвинулись в этом в спешке - быстро, а не тратить слишком много времени на изучение мелких деталей плана. Все это давно обдумывал он и Пн. Теперь ему нужно было подтолкнуть его вперед, и для этого ему, возможно, придется немного повернуть руку Леи. Вот почему он просил об этой встрече вождей и твердо держался, когда она просила подробностей - по правде говоря, он не хотел, чтобы она отклоняла его предложение или приводила последовательные аргументы против него, прежде чем у него будет возможность сделать это. выложите план на стол перед более широким голосованием. Все устроились и погрузились в вежливое молчание, пока Лея стояла, олицетворяющая спокойствие, и говорила в пользу официального реестра.

«Мы созовем это собрание в семнадцать тридцать два. Присутствующие офицеры - адмирал Акбар, адмирал Стоун, начальник разведки Масса, командующий Соло, генерал Мадин и я.

Встреча была созвана по просьбе генерала Мадина, так что с вашим разрешение Господа, я передам стул ему ". Это было немного кратковременно, но с Лейей Органа шутить было нельзя. Мадин встал, рефлекторно поправляя куртку, оставшуюся после его службы в Имперских Силах, когда такие вещи были превыше всего.

«Господа... с приближением запуска нового звездного суперразрушителя

« Инвинсибл », я хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы донести до стола некоторую очень важную информацию. Хотя вы не знали об этом по соображениям безопасности, в трубопровод в течение некоторого времени, чтобы использовать эту беспрецедентную возможность... »

Соло, сидевший прямо напротив Мадина, начал медленно закатывать глаза, лениво ссутулившись, упираясь подбородком в руку. Мадин посмотрел на него долгим, равнодушным взглядом и продолжил, теряя свою точку зрения лишь на мгновение; «непревзойденная... возможность... нанести большой удар по Империи; тот, от которого они не могли оправиться».

Он огляделся вокруг стола на море лиц, выражающих умеренное ожидание; все это должно было измениться.

"Как вы теперь знаете, злополучная миссия Ботавуи заключалась в том, чтобы передать новые технологии от ботанов нам; генераторы DEMP Империи. Их предполагалось использовать против всех разрушителей на орбите Корусанта, когда был запущен SSD Непобедимый оттуда во время его первого полета. С потерей динамических ЭМИ этот план стал невыполнимым. Однако запуск Эсминца все еще продолжается, и Император все еще будет присутствовать на мостике Инвинсибла во время его первого полета. Возможность для которого мы предполагали, что DEMP все еще там, господа, и я предлагаю нам его использовать ".

"У вас в заднем кармане есть пара DEMP?"

Соло протянул, и Мадин пронзил его взглядом.

Он вообще не хотел, чтобы Он был здесь; он усиленно возражал против этого за кулисами, но Масса, шеф разведки, настаивал, что нет ничего, что могло бы подтвердить подозрения Мадины, что Соло был имперским шпионом, спрятанным среди них, заявив, что его побег из Императорского дворца на Корусканте и миссия на борту "Фурии" не были сами по себе достаточными доказательствами, и немного очевидным, учитывая, что специалист по проникновению обычно старался держаться в тени. Мадина все еще наблюдала за ним... и, как он подозревал, Масса тоже, несмотря на ее заявления.

- Нет, у нас больше нет ДЕМПОВ, но это не отменяет других наших преимуществ. Он просто меняет детали, а не общий план. У нас все еще есть одна вещь, о которой Империя не знает, и это было то, что всегда собиралось купить нам доступ к Императору." Лея нахмурилась, устав от этих игр в угадайку:" Мадин выпрямился во весь рост, натянуто улыбаясь. - У нас есть Переопределения команд на "Непобедимом" - жесткие коды. Наличие собственных генераторов ДЭМП не принесло бы нам ничего, кроме того, что мы купили бы путь внутрь, выведя из строя другие имперские корабли в этом районе. Как только мы окажемся внутри, мы воспользуемся Кодами Управления, чтобы вывести "Непобедимый" в атмосферу без подрезки - разбить его на части под напряжением и сжечь вместе с Императором на борту - со всеми в галактике, наблюдающими за Голонетом. Это был окончательный план. План, над которым работали мы с Мон Мотмой, - план, ради осуществления которого она отдала свою жизнь."

Лея нахмурилась: "Как давно у тебя эти коды?"

"Мон Мотма получила коды от Олин'йа почти за месяц до первой попытки покушения на Наследника. Как всем здесь известно, план Мон Мотмы всегда заключался в том, чтобы сначала убить его, а затем Императора, а не допустить цепочку атак. Теперь пришла еще одна возможность реализовать это намерение, и я думаю, что мы должны воспользоваться ею - в памяти Мон ».

О, это был удар ниже пояса, Лея знала, хотел он этого или нет. Теперь, если она откажется, она откажет не ему, а воспоминанию о Мон Мотме. Она посмотрела на Хана, который тревожно отвернулся; Это был Таг, который сидел, сосредоточив внимание.

«Позвольте мне прояснить это - у вас есть коды отмены команд, которые встроены в системы Инвинсибла?»

«По сути, да». - сказал Мадин. "По существу?"

Тег нажал, желаю быть уверенным.

«Коды в буквальном смысле не зашиты, но они являются одним из трех лазеек в системе - они отменяют все другие команды. Они предназначены для использования Императором, чтобы гарантировать...»

«Спасибо, я знаю, что такое командный код». - едко заявила она, явно так же раздраженная, как Лея тем, что ее не допустили к этому кругу. «И вы уверены, что эти коды все еще действуют, учитывая, что и Олин'яа, и Мон Мотма находились под стражей Империи?»

"Да."

"Почему ты не сказал нам об этом раньше?"

Голос Леи был твердым стальным. Мадин почти посмотрел на Хана, но вовремя поймал себя на мысли: «Вы знаете, что у нас продолжаются проблемы с утечкой информации. Мон Мотма приказала, чтобы эта информация хранилась строго между мной и ею, пока не возникнет необходимость вовлечь других. Теперь я считаю это необходимым;

Я думаю, что у нас все еще есть сильные позиции, чтобы выполнить намеченную угрозу Мон ".

Акбар заговорил, растопырив длинные перепончатые пальцы: «Разве коды не были бы аннулированы, когда Империя обнаружила наш доступ к их генераторам DEMP, генерал?»

«Нет, сэр, - сказал Мадин, - коды не имеют ничего общего с оборудованием. Они даже не происходят на одной и той же верфи и были бы интегрированы совершенно отдельным блоком изолированно. Это то, что даже капитан в к заряду корабля не было бы доступа ".

«Итак, мы можем предположить, что у них не было бы причин менять их?» Акбар толкнул.

"Да сэр."

«Это ужасно серьезное предположение». - продолжала адмирал Стоун, качая головой.

«Коды были проверены менее двух недель назад и оказались активными». - заверила Мадин, при этом все замолчали.

«Итак, у нас есть коды - средства воздействия на внутренние системы корабля». - спросила Лея, ее собственный интерес повысился. - И что вы предлагаете? "Как я уже сказал,

первоначальный план состоял в том, чтобы отправить" Инвинсибл "в атмосферу; спустить ее в тень своей собственной силой, а затем отключить всю мощность двигателей. Эсминцы не предназначены для работы в условиях планетарной гравитации; без сдвига она бы взяла нежизнеспособный вход и разрыв, когда она попадает в атмосферу ".

Мадин сказал: «Очевидно, что без прикрытия наших собственных DEMP, чтобы вывести из строя другие Эсминцы, которые будут там во время полета, это невозможно; они придут, чтобы остановить ее - отключить ее двигатели задолго до того, как она достигнет атмосферы Корусанта, и возьмет ее под трактор. -буксировка. Однако я все еще думаю, что это беспрецедентная возможность: Император редко покидает безопасный Корусант.

«Он только на орбите». - указал Стоун. «На корабле мы будем контролировать».

Мадин утверждал: «Главный корабль флота - нас ничто не может коснуться». Все снова замолчали, задумавшись.

«Можем ли мы использовать наш контроль над« Инвинсиблом », чтобы активировать его собственные бортовые DEMP и продолжить миссию, как первоначально планировалось?» - спросил Акбар, глядя на него с надеждой. "Нет, сэр."

Ответил главный специалист Intel: «К сожалению, DEMP« Инвинсибла »не будут подключены к запуску; текущая разведка предполагает, что вскоре они будут завершены на верфях в кластере Курнахт».

«Нет никаких шансов, что мы действительно сможем запустить их для запуска - с нашими собственными технологиями?» - спросил Хан, хотя в его голосе не было особой надежды.

«Нет, сэр. Они никогда не предназначались для первого полета;« Инвинсибл »всегда предназначался для проведения маневров по выгрузке на пути к верфям Курнахта, а затем для окончательной подгонки и точной настройки. «Можем ли мы заблокировать Мост? Держать Палпатина там, пока мы не воспользуемся переопределениями, чтобы совершить прыжок из системы?» - подумал Стоун. «Нет», - ответила Лея, задумчиво сузив глаза,

«Запуски традиционно проводятся на низкой орбите, чтобы их было видно с поверхности планеты. На нашем пути будет слишком много других звездных разрушителей; мы никогда не найдем безопасного. траектория во времени. Если мы не сможем вывести из строя эти Разрушители, как мы могли бы сделать с помощью DEMP, они остановят двигатели «Инвинсибла», чтобы удержать нас там - или просто воспользуются тяговыми лучами ».

«Тогда закройте мост, отключите кислород?»

«Возможно», - допустил Мадин.

«Не-а, - вмешался Хан, - Мост Разрушителя - это большая территория. Вы дадите им ужасно много времени, чтобы выбраться, пока они не вылетели из воздуха», а остальной части команды Разрушителя будет еще много времени, чтобы добраться до их, независимо от того, сколько войск у нас было на борту ".

"Взрывная декомпрессия?" - предложила Лея. Все замолчали, размышляя. «Нам нужно проверить планы - я не думаю, что там есть воздушный шлюз». - пробормотал Тэг.

«Если бы он находился внутри защитных щитов« Инвинсибла », относительно небольшой корабль мог бы взорвать иллюминаторы». - сказала Лея.

«Всем судам без допуска службы безопасности было бы запрещено заходить в этот район за два дня».

Сказал Тэг, всегда знакомый с протоколами своего врага. Все снова замолчали;

Это был Хан, который сказал: «Возьмите один из них - черт, у них будут полные отсеки. Если у нас есть командные переопределения, мы можем выпустить несколько TIE и отправить их в космос внутри щитов Инвинсибла».

Тэг кивнул: «Щиты также предотвратят сбитие TIE другими разрушителями».

Лея подумала... было ли это возможным - действительно ли они стреляли в Палпатина?

«Мы могли бы заблокировать весь корабль, чтобы ограничить реакцию Империи с борта« Инвинсибл »- каждую дверь взрыва. Выключение связи - серьезно затруднит любую попытку спасения». «Противовзрывные двери на мостике - самые высокие оценки на борту». Тэг, задумавшись, сказал: «И на отрезке коридора по обе стороны от моста будет три комплекта. Если бы все взрывозащищенные двери были задействованы с помощью кода блокировки, кому-либо понадобилось бы время, чтобы пройти, даже если бы взрывчатые Лея поджала губы: «Ты серьезно думаешь, что я упущу этот шанс? Это не обсуждается; я буду там».

«Мне очень жаль, шеф, но я не могу этого допустить; если бы я сделал это, я бы не выполнил свой долг». - твердо сказала Тэг, глядя на Акбара, ища поддержки.

Он не замедлил предложить это: «Лея, ты же знаешь, что это было бы неразумно. Пожалуйста, подумай еще раз».

Лея стояла на своем, не желая упускать эту возможность; быть там - быть в команде, которая окончательно сбила Палпатина... или, по крайней мере, имела хорошие шансы на это.

«Вождь Мотма часто брала на себя командные роли в полевых условиях, - возражала она, - и уже заметила ошибку своих слов, когда Мадин застрелил ее.

«Да, и мы потеряли ее там, потому что мы позволили этому правилу отступить. Мы не можем позволить себе еще одну смену руководства прямо сейчас, ваше высочество. Мы будем очень благодарны за ваш вклад и опыт - отсюда».

Перед этим Лея замолчала, глядя в лица сидящих за столом, зная, что с ними не будет спорить.

«... .. Хорошо».

Лея согласилась, загнанная в угол, но она не сдалась без боя; это было не в ее характере.

Нет; она будет ждать своего часа ...

Хан снова повернулся к собравшимся с лаконичным блеском в глазах:

«Я, с другой стороны, полностью расходный материал, поэтому должен возглавить команду».

Лея вздохнула, собираясь недвусмысленно заявить, что если она не пойдет, значит, он тоже не пойдет, но вовремя остановилась.

"Это блестящая идея." - сказала она, возвращая его настороженный взгляд к себе в поисках

уловки.

«Но я думаю, тебе следует управлять спасательным кораблем». «Подожди минутку - я не сижу на каком-то скучном корабле в каком-то пустом ангаре, пока все остальные трепещут вокруг сладкого звездного разрушителя ...»

Он сделал паузу, понимая, что он собирался назвать ей на официальной конференции, в которой были усердно приняты. Она слегка улыбнулась, и он поджал губы, наполовину упрямый, наполовину надутый;

«Я все еще не делаю этого».

"Важным в этом будет то, чтобы коридор отступления оставался открытым для двух команд, Хан; никто не будет ожидать, что мы будем там по пути в оперативную комнату - на обратном пути, это будет не только ведется перестрелка, но значительная часть флота будет просто ждать, когда мы выйдем из Инвинсибла и побежим в глубокий космос. Я не буду никого просить отправиться на самоубийственную миссию, поэтому я собираюсь отправить своего лучшего пилота в палка."

«Я могу пойти на задание, а потом летать».

Хан продолжал, игнорируя эго-массаж, не упуская из виду тот факт, что она только что сказала « мы, а не они» , но пока молчал.

«Я думаю, что это, возможно, обсуждение на потом».

Лея бросилась вперед, приподняв идеально изогнутые брови над карими глазами красного дерева. Она отвернулась, глядя на большую ассамблею: «А сейчас я хотела бы объявить голосование по этому поводу?»

Сидящие за столом кивнули в знак согласия. Мадин стиснул зубы, желая, чтобы проект продолжался, но не казался слишком нетерпеливым. Лея огляделась, затем кивнула.

«У нас есть безраздельное голосование, что представляет собой принципиальное соглашение; миссия будет продолжена».

Мадин торжествующе улыбнулся; Лея согласилась, поставив себя в непреодолимое положение, и никто не решит одну проблему, о которой он страстно надеялся, что никто не упомянет - Наследник тоже будет на Мосту.

Мара, сгорбившись, сидела в небольшом коридоре для обслуживания дроидов, выходившем на кормовой отсек, который всегда был закрыт для всего персонала, кроме 701-го штурмовика. Теперь их называли неприкасаемыми командора, и не без оснований; ни у кого не было доступа к зонам корабля, в которых они находились, ни к докам, ни к жилым помещениям, ни к припасам, ни к зонам отдыха. Они были совершенно отдельным существом внутри Разрушителя. Это делалось постепенно и незаметно, 701-й дивизион часто переезжал, казармы оставались в нескольких местах, но Palace Intel постепенно осознала, что они плохо понимают номера и личности. У них были все официальные цифры, конечно же , и все они складываются ... это просто не чувствуют себя право Mara.

Итак, она была на небольшой разведке. Ей удалось отследить все корабельные проходы для обслуживания дроидов до точки, где она была достаточно близко к внутренней стене в кормовой части отсека, чтобы просверлить два крошечных отверстия и установить две линзы

наблюдения, передатчики прикреплены лентой к внутренней стороне стены полости. вверх, близко к потолку. Чтобы их не уловили при случайном сканировании с целью предотвращения наблюдения, линзы были экранированы и подключены только к проводам. Требование, чтобы Мара действительно была с системой, когда она была активна, и выключало ее, когда она уходила, это затрудняло обнаружение системы даже при близком сканировании. Но это также означало, что если ей нужна какая-либо информация, Мара должна быть рядом, посылая активный проводной сигнал со своего монитора.

Это означало, что она проводила ночь, сидя в тесном, душном, неотапливаемом коридоре для техобслуживания, наблюдая за огромным, аккуратно уложенным стыковочным узлом, практически лишенным жизни. Видимо, даже если ей нечего было делать со своей ночью, 701-й сделал. Рис был со Скайуокером сегодня вечером, пара просматривала массу сообщений из официальных агентств Абрегадо-раэ. Они вышли на планетарную орбиту тремя днями ранее, и Люк просто ... слонялся вокруг, как показалось Маре; откладывать. Глядя на счета, которые явно были сфальсифицированы - он знал это так же хорошо, как и она; На вершине обхода Шапани Абрегадо-раэ долгое время был центром всех контрабандных операций, проникающих в Колонии, причем мировое богатство, вероятно, удвоилось из-за взяток и сделок. Но в этом не было ничего нового, и Люк, как правило, был большим сторонником « лучшего дьявола, которого вы знаете », что сделало его внимательное изучение тем более загадочным.

Очевидным ответом, конечно же, было то, что он откладывал свое возвращение на Корусант. У них было почти два месяца в Туре служебных обязанностей, и теперь они завершали свою широкую петлю и направлялись на Корусант, оставалось лишь несколько запланированных остановок. И они оба знали, что, когда они достигли Корусанта и Дворца, их ночные встречи были приостановлены, а их роман приостановлен, так что, по правде говоря, она не жаловалась на продолжительность пребывания и не смотрела слишком пристально по этой причине. Они ... поселились - неправильное слово, но она почувствовала медленные перемены за последние несколько месяцев, когда они были вместе, в безопасности от любопытных глаз на Корусанте. Их роман оставался ничем, если не взрывоопасным, но тогда это было частью ничьей для Мары.

Он так сильно изменился за последние четыре года. Все большие, радикальные изменения было так легко отметить, но это были тонкие изменения, которые подкрались к нему, а она даже не заметила, что она сейчас задумалась. Так долго она смотрела на этого человека и видела отблеск драгоценного волка Палпатина в его глазах, а затем - так постепенно, что она не могла отметить отдельный момент или назвать дату - теперь ... теперь ей часто казалось, что она смотрели в глаза волку, ища след человека внизу. Ее это беспокоило? Нет. Она всю свою жизнь гуляла среди волков - настолько, что теперь ей казалось естественным искра, которая зажгла пламя. Человек, который приехал сюда, был очаровательным, сильным и благородным, и, может быть, если бы все было иначе ...

Но это не имело значения, и это не имело значения - потому что теперь у нее был волк, и острые ощущения от близости к этому бурному, дикому, изменчивому краю всегда возвращали ее еще раз. Иногда она все еще видела пилота, которого сюда привезли, и моменты тем более ценились за их редкость ... но как бы она ни любила человека с небесно-голубыми глазами, так же, как он притянул ее задолго до волка. когда-либо обращал на нее эти несоответствующие ледяные глаза, ей также нравилось волнение от бега с волком ... и она знала это.

Она тупо смотрела на образ пустой бухты, блуждая мыслями ... Она отчетливо помнила, как однажды защищала Императора во время их последнего пребывания на Корусанте, их отношения уже безвозвратно изменились, но по-прежнему оставались неизвестными. Беладон Д'Арка повернулся к Люку, когда они шли через обширный участок Зала обслуживающего

персонала после Двора. Палпатин остановился, чтобы вступить с кем-то в разговор, заставляя всех в своем окружении ждать, пока он снова не двинется вперед.

Стоя в полшаге позади Люка, она видела, как он отступил, когда Д'Арка приблизился, но ему некуда было отступить, он был вынужден поговорить, влиятельный человек поздравил Люка с его предстоящим командованием, Непобедимым, добавив, что он очень уважает для тех, кого ценил Император, спрашивая, может ли он заставить Наследника присутствовать на предстоящем мероприятии в его поместье на Корусанте. Когда Люк вежливо отказался, сославшись на обязательства Флота, Д'Арка одобрительно кивнул, заявив, что, конечно, понимает; многие из его семьи занимали ответственные должности во флоте. Однако он настаивал на том, чтобы Наследник рассмотрел приглашение воспользоваться «Охотничьими домиками» его семьи в их поместьях на Борлейасе, Комменоре или Тейре на неопределенный срок;

Неужто, - с тонкой улыбкой на пересохших губах, - сказал он, - Императорский Волк оценил бы возможность заняться охотой? Мара видела, как плечи Люка напрягаются сзади, его спина выпрямляется, и на мгновение забеспокоилась, что он может тут же сбить человека с ног. Но процессия резко двинулась вперед, спасая ее - и, вероятно, Д'Арку - от необходимости иметь дело с этим событием, хотя просто для того, чтобы убедиться, что она ступила ровно, когда Д'Арка повернулся, бормоча тихий совет, когда Люк тихо проклял своего Учителя. за то, что он вообще дал ему эпитет.

Мара совершила ошибку, заявив шепотом, что это ему подходит - и он повернулся к ней, глаза пылали, хотя его лицо оставалось нейтральной маской, его голос низкий и напряженный в переполненном зале: «Если я волк тогда это потому, что я живу в их компании! "

«Я не сказал иначе». она мягко защищалась, пока они медленно шли вперед, ее глаза были впереди, испытывая тот же опасный трепет, который она всегда испытывала, находясь в его компании, когда он был таким.

«Значит, ты дурак, что здесь - никогда не верь волку». - зарычал он, тело было напряжено, а поза слегка агрессивна, хотя внешне он оставался спокойным, шагая в ногу со свитой, когда они шагали вперед, его разочарование было скрыто тем фактом, что, когда они проходили, окружающие его в зале уже низко поклонились. Она колебалась, на мгновение переводя взгляд с собравшихся на него, слегка напрягаясь в ответ на его язык тела, осознавая, насколько близко она подошла к краю, продолжая этот разговор, и как быстро этот изменчивый темперамент мог теперь сместиться - осмелившись на шагнуть еще ближе. «Я доверяю тебе ». - возразила Мара, подчеркивая разницу, инстинктивно зная, как успокоить своего волка. Он долго смотрел вперед в тишине ... и хотя дикая ярость текла из его глаз, они оставались острыми и жестокими.

«Нет, не знаешь», - пробормотал он наконец, голос все еще содержал подлинную угрозу, но теперь сдерживался; сдержанный.

«Не совсем. Ты говоришь себе, что можешь доверять - ты думаешь, что ты в безопасности, потому что по какой-то причине ты веришь, что можешь это контролировать ... но я не могу, поэтому я чертовски уверен, что ты не сможешь». ты далеко не так безопасен, как ты думаешь.

" Это было невероятное признание, не в последнюю очередь потому, что он так ясно верил в это.

"Вы говорите, что способны причинить мне боль?" - спросила она, взглянув на него и

решительно качая головой. - Я тебе не верю. Он сделал большой шаг впереди Мары, теперь снисходительный, момент и его характер снова взяли верх. Но прежде чем уйти, он сделал последнее предупреждение; «Я говорю, что если ты протянешь руку волку, ты не должен удивляться, когда он укусит». .

Мара теперь сидела на корточках в тесном коридоре, обдумывая его слова. Она знала, что это было предупреждением; и это было искренне. Доверяла ли она ему? Она хотела сказать «да» ... но тогда что она здесь делала? И опять же, имея в виду ее нынешние действия ... должен ли он ей доверять? Ее размышления были внезапно остановлены, когда стыковочный отсек под ней на мгновение опустил свои щиты, позволяя большому шаттлу войти. Мара вскочила в тесноте, нахмурившись; в журналах Моста не было ничего, что могло бы войти - и даже если бы это было так, вряд ли это был признанный порт входа. Skipray - Intel 420; быстрые, жесткие и любимые как местными правоохранительными органами, так и контрабандистами - остановились в центре залива, и небольшая группа 701-го штурмовика остановилась перед ним. Мара смотрела, как двое мужчин небрежно спускаются по пандусу, проклиная тот факт, что она не выбрала объектив с зумом;

Кто бы мог подумать, что она увидит кого-нибудь, кроме солдат? Молодой человек, худощавый и худощавый, с ярко-синей вспышкой на передней части обесцвеченных седых волос, остановился у трапа корабля, пока они разговаривали на мгновение, затем второй - очевидно главный, высокий и спортивный, с темными волосами и густой. , тяжелые усы на руле - двинулся вперед вместе с войсками, хотя язык его тела давал понять, что он совсем не напуган. Они исчезли из широкого поля зрения объектива, и Мара вскарабкалась вверх, оставив свой экран там, где он лежал, намереваясь пойти и попытаться подобрать их в коридоре двумя уровнями ниже возле залива. Когда она дошла до точки, где коридоры с ограниченным доступом соединялись с другими общественными, там никого не было видно.

Мара ненадолго подумала о том, чтобы связаться с службой безопасности, чтобы проверить, куда они ушли, но колебалась; либо они каким-то образом проникли под датчики, либо их впустил кто-то из службы безопасности, и в этом случае предупредить их о том, что она знает, что кто-то находится на борту, было не совсем удачной идеей; ясно, что это не предназначалось для всеобщего сведения. И если бы анонимного посетителя тайно провезли на борт, они, вероятно, перемещали бы его по кораблю таким же образом. Она нахмурилась, медленно идя по пустому коридору; в любом случае, она прекрасно представляла, куда пропал их таинственный гость ...

«Кажется, мне не хватает пары кораблей».

Каррде объявил, не раздражаясь и не оправдывая себя: «Я пересчитал их. Дважды». Наследник легко улыбнулся сегодня вечером в хорошем настроении, и Каррде снова задумался о своем истинном возрасте; временами, когда он был усталым, серьезным и непостоянным, он казался очень близким к своему возрасту Каррде, но в такие случайные моменты, как этот, когда он был непринужден, искренне улыбался, контрабандист мог клясться, что ему только двадцать - чуть больше двадцати лет. тот. Как и все остальные, у кого были какие-либо корыстные интересы, Каррде потратил серьезные деньги, пытаясь найти какие-то конкретные доказательства того, кем на самом деле был Наследник ... и, как и все остальные, он ничего не понял.

Сам мужчина сверкнул той самой добродушной улыбкой, которая растянула глубокий шрам на его губах, когда он заговорил с идеально модулированным корускантским акцентом-слишком совершенным, по мнению Каррда. - Все равно у тебя их слишком много. Подумайте о содержании, которое я вам сэкономил".

- "Да, и весь этот доход, от которого мне теперь придется отказаться, стал довольно тягостным." - Я кое-что для тебя придумаю." - небрежно разрешил наследник, отходя от консольного столика с двумя бокалами бренди в руке и предлагая один Каррде. - Я оставлю их в Билбринги и удостоверюсь, что у вас есть их операционные коды. Что бы вы хотели, Бриг или Шебек?"

Каррде сказал, довольный обменом; хотя у кораблей не будет никаких обновлений и им потребуется маскировка своего военного прошлого, они будут новее, надежнее и значительно больше, чем грузовые суда, которые он потерял. Это был честный, щедрый обмен, и человек, который предложил его, сделал это без каких-либо условий, он это знал.

"Они придут с документами о праве собственности?"

«Нет, но тогда я сомневаюсь, что у вас были те, которые были у тех, кого я потерял. Они не появятся в имперском реестре как пропавшие».

Люк заверил: «И я думаю, что кто-то однажды сказал мне, что вы знаете человека, который может подделывать документы и позывные ... но я мог ошибаться».

Каррде приподнял густые брови при добродушном раскапывании, но не ответил, вопрос решился, насколько он был обеспокоен. Его собственный транспорт, сильно модифицированный грузовой корабль Wild Karrde, оставался на орбите близлежащей планеты Гиджу, популярного безопасного места контрабандистов на краю сектора Тапани, что заставило Каррде поверить слухам о том, что Несравненный, Доминант и Зефир находились в процессе создания Правящего совета Абрегадо-Рэ в данный момент очень неудобного. Факт, который, казалось, особенно приподнял Наследника. Но тогда Каррде всегда казалось, что настроение человека улучшается прямо пропорционально количеству времени, которое он находился вдали от Корусанта. Он кратко задумался, следует ли ему указывать на это, но отказался; наблюдения за его личной жизнью никогда не приветствовались, независимо от его настроения, и в любом случае разговор продолжился, поведение Наследника несколько напряглось, когда он обратился к более важным делам.

«У вас есть доступ к химику? Надежный».

"Какие?" - легко спросил Каррде с любопытством.

«Мне нужен декодер ДНК - кто-то, способный разбирать составные части специально созданного лекарства и синтезировать по крайней мере противоядие и, желательно, иммунизацию».

Каррде нахмурился; такой специалист вряд ли был обычным делом.

Типа, который мог смешивать рекреационные наркотики или разбирать их, чтобы отправить в составные части, чтобы их нельзя было распознать, было обычным явлением, но расшифровка сложных специально созданных наркотиков была на три шага выше, чем любой, о котором Каррде мог бы подумать.

«Я посмотрю, что я могу отследить, но мы сами не используем их. То, о чем вы говорите, потребует обширной лаборатории и значительного специализированного оборудования....» - он почти сказал это; чуть не сказал : «Империя следит за такими вещами» , но вовремя поймал себя.

«Я могу предоставить средства, чтобы установить нужного человека в Rim System и убедиться,

что у него есть необходимое оборудование».

Люк заверил, зная, о чем думал Каррде, понимая, о чем он спрашивал: «Но они должны быть очень надежными и конфиденциальными».

"Что от них потребуется сделать?"

«Разбей образец лекарства, которое я поставляю».

У Люка все еще не было образца препарата, который Палпатин использовал против него, но, опасаясь давать Каррде слишком много информации, он немного скрыл свой след, подразумевая, что это было для третьей стороны. «У меня еще нет образца, и мне не сообщили точную дату, когда он будет доставлен, но как только он появится, я могу его сдать». "Виды?" Каррде подсказал; такая специализация, вероятно, значительно сузила бы поле зрения. "Человек, насколько я знаю". Люк ответил, пользуясь возможностью, чтобы еще больше дистанцироваться от наркотика. Каррде не удержался и приподнял бровь: «Играть в доброго самаритянина или заключить сделку?»

«Были обещаны определенные уступки», - неопределенно предложил Люк, не желая, чтобы ложь была привязана к деталям, которые ему, возможно, придется вспомнить позже; Каррде был слишком проницателен, чтобы позволить любой ошибке пройти мимо него.

«Это просто жест доброй воли».

Как бы то ни было, начальник контрабандиста несколько секунд задумался, прежде чем заполнить пробелы какой-то собственной интересной информацией, пусть все это случайно.

«Это будет для некоего удачно расположенного дома по имени Д'Арка?» Выражение лица Люка ни на йоту не изменилось: «Почему ты так говоришь?» Каррде пожал плечами: «Ну, в последнее время они определенно старались изо всех сил, чтобы дать понять, что они очень уважают нового Наследника. Беладон Д'Арка, похоже, сделал своей миссией, чтобы его поддержали. .

" Это было интересно, размышлял Люк, поскольку помимо нескольких коротких слов на различных официальных мероприятиях или в суде, он никогда не разговаривал с главой высокопоставленной, могущественной семьи, занимающей хорошее положение как в королевских домах, так и в армии. .

Но в последнее время он слышал свое имя несколько раз из разных источников, и все они говорили примерно одно и то же.

"В самом деле?" он не мог скрыть неподдельный интерес в своем голосе, заставляя Каррде нахмуриться.

"Вы не знали?"

«Да, мне просто любопытно, почему».

Что-то чесалось в глубине его чувств. Пока не толкаю; не важно, но тем не менее.

«Возможно, он просто делает ставку в обе стороны».

Каррде сказал легко, имея в виду, что этот человек поддерживал и Палпатина, и его

наследника.

"Но зачем высовывать шею и обнародовать это?"

Люк неубедительно пробормотал: «Зачем рисковать своим нынешним положением?»

Контрабандист пожал плечами, чтобы скрыть удивление; это был первый раз, когда Наследник действительно вступал с ним в дискуссию - фактически спрашивал его мнение.

«Чтобы накапливать деньги, нужно спекулировать. Для такой семьи недостаточно быть влиятельной, они должны гарантировать, что они сохранят эту основу власти в долгосрочной перспективе».

Каррде добавил в качестве последней заметки с легким намеком на паузу: «Так могу ли я предположить, что проблема не в Д'Арке? Люк полностью проигнорировал последнее, нахмурив лоб и задумавшись.

«Если вы слышите что-нибудь еще, попробуйте найти связь между Д'Аркой и мной - по крайней мере, ту, которую они продвигают публично».

"Вы хотите, чтобы я кого-нибудь поставил на это?"

"Нет."

Люк медленно сказал, все еще размышляя: «Нет, если не появится что-нибудь интересное. Просто прижми ухо к земле».

Каррде кивнул, делая глоток из стакана; так что в какую бы игру ни играли Д'Арка, Наследник лично не участвовал - пока. Если Каррде поверил ему, так оно и было - что он чувствовал в данном случае; это был редкий всплеск искреннего любопытства, который он только что увидел. Это могло быть просто спектаклем; В конце концов, Каррде был информационным брокером, и Наследник был не единственным его клиентом, но Каррде не был настолько глуп, чтобы на самом деле передать все, что было сказано между ним и его самым ценным, влиятельным клиентом, третьей стороне без явного разрешения, и они оба знали Это. Он взглянул на бокал в руке, вкус кореллианского бренди вернул его мысли к текущему моменту; он был сильно дымным, богатым и с примесью танинов, как крепленое вино: «Я действительно должен не забыть принести вам немного руусанского бренди в следующий раз, когда приду».

Наследник откинулся на спинку сиденья, пока оно приспособилось к его расслабленной позе, не обижаясь, несмотря на следующие его слова: «Я оскорблен; вы отвергаете мое гостеприимство».

«Вовсе нет, только твой бренди».

Каррде сделал долгую паузу, прежде чем заговорить снова, сохраняя спокойный голос, не глядя на Наследника.

"Я слышал, вы дали свободу ботанам?"

Молодой человек отвел взгляд, его манера мгновенно изменилась на сухую и бескорыстную: «Я великодушный человек, разве вы не знали?»

«На самом деле я это сделал, но ты, кажется, так долго скрываешь это, как обычно».

Каррде ответил. Наследник только натянуто улыбнулся, глаза его теперь были расчетливыми, случайная непринужденность мгновенно исчезла.

«Я не пытаюсь оттолкнуть ботанов. Я закрывал шпионскую сеть, не более того; тот факт, что все группа состояла из ботанов, был случайным. Я отпустил Аттин'Чо и его команду, чтобы прояснить это».

В конце концов он многозначительно посмотрел на Каррде, и шеф контрабандистов знал, что эта информация была предложена с намерением ее широко распространить.

«Я уверен, что они будут рады узнать».

Каррде признал; он был не против передать это нескольким избранным людям; плавный полет для его клиента означал плавный полет для Каррде - в конце концов, именно этому он и посвятил свою жизнь.

«У меня есть для тебя работа». - легко сказал Люк, привлекая внимание Каррде к моменту.

«Мне понадобится новый код; я знаю, что вам нужно небольшое уведомление, чтобы начать работу над ним».

Каррде удивленно нахмурился: «Ты думаешь, они взломали существующий? Гент обычно лучше, чем ...»

«Нет, они этого не сделали». Люк заверил: «Но я не собираюсь давать им время, чтобы попробовать. Вы знаете, что привычки опасны».

Каррде поставил перед собой пустой стакан на стол напряженным голосом, когда он протянул руку: «Тогда тебе непременно следует прекратить пить кореллианский бренди».

Коммуникация, установленная в устройстве рядом с кроватью Люка, дважды зазвонила очень тихо, разбудив Мару и Люка, затем она оборвалась и снова замолчала. Мара оставалась неподвижной, чувствуя, как Люк зашевелился в том месте, где ее рука обвила его. Когда это прозвучало снова, он быстро встал с кровати и прошел в главную комнату, не отвечая на звонок, натянув на себя халат, когда дверь за ним закрылась, оставив Мару хмуриться в темноте. Она взглянула на хронограф; До подъема оставалось еще почти два часа. Она поняла, что, несмотря на закрытую дверь, она слышала, как он выдвигает ящик и шарит в нем несколько мгновений, прежде чем ответить на комм, предположительно через комлинк, установленный на его столе в главной комнате.

"Да?"

Последовала тишина, в которой Мара сообразила, что выдвигающийся ящик должен был быть для него, чтобы достать наушник, чтобы ответить на звонок наедине; очевидно, что сигнал "включен-выключен-включен" был сигналом к этому. Вопрос был в том, от кого? Она нахмурилась в неподвижной тишине, затаив дыхание, прислушиваясь к явно одностороннему разговору;

«Да ... Да. Когда? ... Гн. Нет, приведите их сюда ... Да».

Снова наступила тишина, и Мара замерла, прислушиваясь к звуку, указывающему на то, что он возвращается ... Громкий хлопок, когда он с силой ударил наушником по столу, заставил ее невольно вздрогнуть, затем он пробормотал что-то себе под нос на языке, которого она не

знала - может быть, Бочче? Это не имело значения; она знала проклятие, когда слышала его. Он не вернулся, оставшись в темноте главной комнаты. В конце концов раздался звук входной двери, и несколько мгновений спустя она услышала, как он поднялся и открыл ее. Шепчущие голоса были слишком тихими, чтобы их можно было разобрать, разговор был слишком коротким, чтобы расшифровать вторую вечеринку, затем дверь закрылась, и несколько мгновений спустя он вернулся в спальню, скользнул обратно в кровать и лег на спину с длинным тихим вздохом. .

"Проблемы?" - спросила Мара так небрежно, как только могла. Учитывая его обычную сдержанность, она не ожидала ответа, хотя подозревала, что часто его охраняли просто по привычке, и нечего было скрывать.

«Ничего неожиданного». - машинально заявил он, глядя в потолок. Она положила руку ему на грудь и почувствовала, как его мышцы слегка напряглись. Когда несколько минут спустя она подняла глаза, он все еще смотрел в темноту, находящуюся в миллионе световых лет от нас. Мара знала, что следующие сорок пять минут он передвигался, прежде чем наконец встать, больше смирившись с тем, что не может заснуть, чем с тем, что он хотел встать, но он натянул пару спальных штанов и исчез. в главной комнате без единого слова.

Она подождала некоторое время, но когда он не вернулся и она перестала слышать шум, Мара в конце концов встала и оделась, тихо шагая по комнате; в любом случае ей нужно было встать и уйти за час до подъема, пока охранники все еще были вялыми и до смены смены выводили больше людей в коридоры. Когда она наконец открыла дверь, застегивая при этом свой ремень, он все еще сидел в темноте в тяжелом, обтянутом шкурой стуле перед смотровым окном, глядя в пространство, опираясь локтями на руки, сцепив пальцы перед ртом. . Когда она подошла, он оставался неподвижным и немым, поэтому Мара наклонилась, положив руку ему на грудь, чтобы коснуться его голой кожи, и слегка поцеловала его в лоб, когда он все еще не двигал руками и не поднимал к ней лицо.

"Я должен идти." она пробормотала просто, и он кивнул, озабоченный. Мара пересела все еще затемненную комнату, любопытствуя, что вызвало его отстраненное, замкнутое настроение. Она была в трех шагах от него, проходя мимо полированного пространства его рабочего стола, когда отблеск звездного света на металле показал, почему. На стол были брошены две линзы наблюдения, которые она установила в стыковочный отсек 701-го, их разбитые передатчики и телезритель Мары рядом с ними. Она оставила их включенными - черт возьми, когда она гналась за неизвестным посетителем в трюме 701- го, она оставила их активными - и такими отслеживаемыми. Мара запнулась, не зная, что сказать.

«О, не забывай их». - сказал он небрежно, не поворачиваясь: «Я уверен, что ты захочешь использовать их снова».

Его голос был совершенно ровным, без малейшего эмоционального выражения, и это оставило Мару равнодушной, неуверенной в том, что он будет делать.

«Я не смотрел на тебя ». сказала она наконец, хотя даже она слышала мелкие различия.

«Вы смотрели мою, что равносильно тому же». - заявил он, его хладнокровие нервировало.

«Мне было поручено предоставить номера 701-го, вот и все ». Мара защищалась. Ее никогда раньше не ловили - не так; пользователя Luke. «Вы могли бы просто спросить». - сказал он спокойно, все еще отвернувшись от нее, атмосфера была напряженной.

"Могу я?" - сказала Мара, слегка напрягшись в ответ на его хладнокровие, хотя и не

чувствовала угрозы. Скорее, она чувствовала прилив энергии - шагая так близко к опасности, к необузданным, непредсказуемым, грубым эмоциям. Всегда осмеливалась подойти еще ближе.

«Хорошо, тогда вот вопрос; вчера вечером на Intel 420 Skipray приехал человек. Он пробыл чуть больше часа, а потом уехал - кто он?»

Люк ожидал, что все пойдет не в том направлении; он был в ярости - возмущался, что она установила наблюдение за его войсками, а затем имел наглость прийти сюда и лечь рядом с ним - а теперь он внезапно занял оборонительную позицию, и он знал это. Учитывая, как и когда они нашли ее оборудование, он знал, что она в конце концов спросит, но не сейчас. В конце концов, это была слежка, потому что корабль Каррде находился в ангарном отсеке, в котором были обнаружены устройства, просто потому, что она случайно оставила их активными - предположительно, когда она пыталась получше рассмотреть неизвестного посетителя.

Если бы она деактивировала их перед тем, как отправиться в путь, они все еще были бы там, незамеченными. Но теперь она поставила его в тупик, задав вопрос, на который он не собирался отвечать; Каррде и его контакты были слишком полезны. Он также не хотел делать большую проблему из отказа отвечать, что только привлекло бы больше внимания к этому факту, особенно когда он просто сказал ей задавать ему такие вещи - хотя бы по той или иной причине, кроме как контролировать ответы. Единственный путь, который ему оставался, - это попытаться отвлечь ее от темы и скрыть уклонение за более крупным заявлением. Он покачал головой, повернувшись, чтобы посмотреть на нее, без каких-либо проблем вызвать чувство сдержанной обиды.

«Ты нереален, ты это знаешь? Прошлой ночью ты часами шпионил за мной - перечислял каждое мое движение, чтобы ты мог пойти и доложить обо всем Палпатину - и что потом? Ты отправляешь свой отчет, идешь сюда и ты просто заберись со мной в постель, не теряя ни секунды ".

Она смотрела на него горящими глазами, одновременно оскорбленная и возмущенная. Зная ее, как он, теперь было так легко просто подтолкнуть ее к краю;

«Что случилось, Мара - не получила достаточно информации? Или это просто очередное наблюдение за тобой - долгие часы, но, по крайней мере, ты не на ногах весь день».

"Ты сын баррика!"

Мара шагнула вперед, отводя руку назад, чтобы нанести удар, но вместо того, чтобы дать пощечину, которую дает большинство женщин, ее рука сжалась в кулак, вся сила плеча была за ее рукой, когда она развернула удар вперед. Он подошел и быстро вошел, правая рука вытянулась, чтобы заблокировать удар, затем в самую последнюю секунду он ввел свою левую руку, схватил ее за руку и дернул вперед и вниз, так что удар не прошел, притянув ее к себе, используя свою собственный вес, чтобы остановить ее, когда она налетела на него. Его собственное возмущение захлестнуло его, как из-за его собственных слов - провокация, да, но с оттенком правды, - так и из-за реакции Мары; возмущение, которое она не имела права усыновлять, по его мнению.

Даркнесс ответил, как всегда, понизив голос до угрожающего шепота, когда он наклонился ближе, все еще держа ее за руку, рот так близко к уху, что ее волосы развевались, когда он шипел: «Давай, Мара, ты быстрее, чем это.

" Она отдернула руку, намереваясь поймать его локтем по подбородку, но он был слишком

быстр, откинувшись назад и отвернувшись от нее, хотя и не выпустил ее руку.

«Пожалуйста, ты бы солгал». - обвиняла Мара, высвободив руку, зная о слепом гневе, исходящем от его холодной отстраненности.

«Вот что ты делаешь - вот почему это то, что я делаю - почему Палпатин поместил меня сюда, ты это знаешь».

Он издал дикая ухмылка, предупреждающе наклонив голову, бледные глаза скрыты завитками темных волос.

«И вы знаете, что я делаю, когда ловлю людей, которые это делают».

Мара отступила на два шага, прежде чем она даже осознала это, его манеры впервые связали Люка и Палпатина в ее голове, но она остановилась; заставила себя стоять на своем, когда все его поведение изменилось, позиция стала слегка агрессивной.

«Ты думаешь, что ты исключение? Ты думаешь, что купил свой иммунитет? Это не правила, Мара, ты это знаешь. Если ты все еще можешь шпионить за мной, то я думаю, что я имею право мстить, вы не бизнес , как обычно, это то, что вы только что сказали,? Палпатин помещает свои шпионы и я останавливаюсь сами по удалить . их "

Мара повернулась, чтобы уйти, понимая, что на этот раз некоторая черта была пересечена, что это перешло от спора к антагонизму, от пылкой ссоры к подлинной, непредсказуемой опасности. Люк отошел от нее, ударив рукой по стене сбоку от головы Мары, блокируя ее выход. Фиксируя его угрожающий взгляд невозмутимым взглядом, она отступила, но он остался на одном уровне с ней и ударил другой рукой по стене позади нее. Вспыльчивый нрав Мары вспыхнул, и она со скоростью молнии повернулась, чтобы сжать руку, сгибая его запястье против естественного движения. Он протянул руку, схватил ее за руку и одним плавным движением высвободил собственную руку. Она выпрыгнула пяткой своей свободной руки к его лицу, и он поднял ее руку, которую все еще держал за руку, чтобы ударить ее по внутренней стороне локтя, остановив ее удар до того, как он коснулся.

Движения, которым она его научила, удары и контрудары, точно рассчитанные по времени. Это был быстрый, контролируемый бой с очень близкого расстояния, Маре не было места для маневра, прижатый к стене, проходивший в абсолютной тишине, Люк использовал скорость и силу против большего опыта Мары, единственный шум, связанный с контактом кожи с кожей. Шквал движений прекратился только тогда, когда Люк, наконец, достаточно хорошо ухватился за одну из рук Мары, чтобы прижать ее к стене на высоте головы, запястьем наружу. Что-то сильно прижалось к животу Люка и посмотрело вниз. Мара сняла с бедра удерживающий бластер и прижала его к его животу. Он снова поднял глаза, и она многозначительно приподняла брови: «Отойди». Люк остался на месте, все еще удерживая ее прижатой.

"Ты собираешься застрелить меня сейчас?" - спокойно спросил он, и она сдержала решимость, приподняв подбородок.

"Отвали."

Она повторила, очень серьезно.

«Ты действительно думаешь, что сможешь ранить меня пистолетом, Мара?» Она почувствовала, как на мгновение вспыхнуло паническое сомнение, охватившее ее, покрывая ее мысли, и вырвалась из нее, понимая, что это не ее собственная, что он помещал ее туда.

Наклонив голову набок, она приподняла брови и прижалась мордой к его голой коже, чувствуя такое же дикое, как и его собственное сейчас, возмущенное, разъяренное и смертельно серьезное. "Почему... ты думаешь, что можешь увернуться?" она спросила сухо: «Потому что я думаю, это может быть слишком близко, даже для тебя».

Он навис над ней, не впечатленный: «Мне не нужно - я истощил энергию».

Она колебалась всего на долю секунды: «Вы блефуете».

«Я никогда не блефую с Рэдом, ты это знаешь».

Мара еще больше сузила глаза, пытаясь увидеть сквозь это неподвижное нейтральное выражение лица и сквозь жесткое предупреждение в этих несоответствующих глазах ...

"Иногда ты блефуешь ..."

Он не потрудился ответить, просто посмотрел на нее сверху вниз. Наконец она взломала дробь.

"Когда?"

"Вчера вечером."

Он слегка наклонил голову: «Я не против спать с ядовитой гадюкой, но я не собираюсь позволить ей укусить».

Возмущенная Мара спустила курок еще до того, как поняла, что делает ... . Компактный бластер испустил обессиленный кашель, в камере недостаточно газа для воспламенения. Ни один из них не двигался в течение долгих секунд, голубые глаза смотрели на зеленый, пока тишина растянулась до критической точки ... Наконец Люк испустил тихий вздох в глубине горла, отчасти веселье, отчасти раздражение, мышцы рук сжались, когда он оттолкнул от стены, освободив ее, момент грубого гнева рассеялся возмутительным актом; Люк Скайуокер освобождается от влияния Волка Палпатина. «Мы двое из самых запутанных людей, которых я когда-либо встречал».

Мара тоже ухмыльнулась, от выброса резкого адреналина у нее закружилась голова: «К счастью, мы нашли друг друга.

Я думаю, что мы бы уже их уже убили».

Он обернулся, не обижаясь: «Не могу поверить, что ты нажал на курок». "Ты назвал меня гадюкой!" она защищалась легко.

Он направился к более свежему, продолжая свой утренний распорядок, как будто ничего необычного не произошло. Мара последовала за ней, уронив бластер на кровать, проходя мимо, решив не замечать дрожь в руке.

"Вы всегда опустошаете мой бластер?" Она знала, что это не тот случай - она бы заметила. "Нет." он ответил, повышая голос, перекрывая шум воды: «Я тоже не вчера вечером». Нахмурившись, Мара отступила в спальню, чтобы взять бластер и перевернуть его, чтобы проверить мощность - он был почти полон. Она оперлась на более свежий дверной косяк, тонкий теплый туман от водяного душа приставал: «Как ты это сделал?»

«Сделал осечку. С Силой».

Она кивнула, впечатленная: «Отличный трюк.

Я никогда не слышала ...»

Мара замолчала, понимая: «Я знала, что ты блефуешь!»

Он пожал плечами, теперь повернувшись к ней спиной, вода стекала с его тела: «Это не срабатывает каждый раз. Если в камере уже достаточно газа для воспламенения ...»

Она смотрела на него, пораженная и обеспокоенная тем, что он позволил ей нажать на курок, хотя мог так легко остановить ее - какого черта он не остановил ее ?! Она медленно покачала головой, бормоча себе под нос: «Ты и твоя глупая« судьба » , Скайуокер». Что, черт возьми, происходило в его голове, что заставляло его снова и снова готовиться к подобной игре? Возникла еще одна мысль, отвлекая ее от этого тревожного вопроса, поскольку она внезапно осознала, что могла выстрелить Люку Скайуокеру в живот с близкого расстояния ...

Вот как он мог ее разозлить. Было ли это тем, что нормальные люди делали в момент страсти - или Скайуокер был прав, и они оба слишком облажались? С другой стороны, даже она, как правило, не стреляла в людей за то, что они называли ее имена, и Скайуокер, черт возьми, не имел обыкновения позволять людям безнаказанно стрелять в него ... Это была ... любовь? Или, по крайней мере, настолько близко, насколько они могли оказаться в своем искривленном, искаженном маленьком мире. Потому что она знала эксплуатацию и знала манипуляции, а это не было похоже на это. Она продолжала смотреть ему в спину, одновременно приподнятая и возбужденная ... и глубоко встревоженная.

"Вход или выход?" он сказал ровно, не поворачиваясь.

"Что?" - спросила она, пробудившись от задумчивости.

«Внутри или снаружи - холодно, а я здесь голый».

Она ухмыльнулась, шагнув вперед в наполненную паром «свежесть»:

«Ну, конечно».

http://tl.rulate.ru/book/24624/1286989